УДК 343.1

*В.С. Балакишин***ВОЗВРАЩЕНИЕ СУДОМ ПРОКУРОРУ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ДЛЯ УСТРАНЕНИЯ ПРЕПЯТСТВИЙ ЕГО РАССМОТРЕНИЯ ИЛИ ДЛЯ ПРОИЗВОДСТВА ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ**

На основе анализа исторических данных о возникновении и развитии института возвращения уголовных дел прокурору для производства дополнительного расследования, изучения научных трудов и судебно-прокурорской практики формулируются проблемы, возникшие в связи с его изъятием из УПК РФ. Предметом исследования явились нормативно-правовые акты, принятые в царской России, в частности, Устав уголовного судопроизводства 1864 г., а также УПК РСФСР 1922, 1923, 1960 гг., УПК РФ 2001 г., постановления и определения Конституционного Суда РФ. Исследовались причины возникновения и становления названного института, его значение для устранения ошибок и нарушений уголовно-процессуального закона, допускаемых органами предварительного расследования, а также для восполнения пробелов и устранения односторонности расследования обстоятельств уголовного дела и в конечном итоге для обеспечения независимости и беспристрастности суда. По результатам проведенного исследования сделан вывод о преждевременном отказе законодателя от института возвращения уголовного дела прокурору для производства дополнительного расследования, вносится предложение о его (института) восстановлении в уголовно-процессуальном законе, предлагаются конкретные изменения и дополнения в УПК РФ.

Ключевые слова: дополнительное расследование, нарушение уголовно-процессуального закона, органы предварительного расследования, прокурор, независимость суда.

Как известно, институт возвращения уголовных дел прокурору (вначале органам следствия) для производства дополнительного расследования в России имеет свою историю. Первые упоминания о подобии данного института можно обнаружить в Указе от 29 октября 1800 г. «О производстве следствия по уголовным делам без наималейших упущений», целью принятия которого было устранить неясность в вопросе о разграничении полномочий полиции и суда по производству следствия и отправлению правосудия. Согласно данному Указу, полиция должна была производить следствие по «предписанным правилам, без наималейших упущений, а последние (суд), буде при рассмотрении найдут недостатки, дополняли бы их окончательно»¹. Приведенная формула, конечно, не отражает суть и назначение исследуемого института. Она не указывает на то, что суд возвращает материалы следствия, поступившие из полиции, для их дополнения. В то же время совершенно очевидно, что указанное положение разрешало, более того обязывало, суд дополнить материалы полиции для того, чтобы «выразить их в надлежащей форме, то есть постановить приговор»². Иначе говоря, после разграничения полномочий между полицией и судом, соответственно, по производству следствия и отправлению правосудия суд получил полномочия по осуществлению ревизионной (контрольной) функции. Названные требования получили дальнейшее развитие в Своде законов Российской империи в разделе «О судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках». По мнению А. Тришевой, законы, регламентировавшие вопросы дополнительного расследования, содержались в указанном Своде. Причем «даже на этапе зарождения дополнительного расследования, – пишет она, – закон предусматривал несколько возможных вариантов устранения пробелов следствия. Восполнение неполноты следствия допускалось: а) путем истребования дополнительных материалов у полиции; б) истребования дополнительных сведений из иных мест самим судом; в) возвращения материалов для производства дополнительного следствия»³.

Действительно, в ст. 235 гл. 1 Свода «О рассмотрении и дополнении следствия» предусматривалось следующее: «По получении следствия суд первой степени немедленно рассматривает, правильно ли оно учинено, не упущены ли какие-либо обстоятельства, прямо или непрямо соединены с

¹ Полное собрание законов Российской империи. Спб., 1830. Т. 26, кн. 1. С. 357.

² Линовский В. Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. Одесса, 1849. С. 38.

³ Тришева А. Дополнительное расследование: возникновение и становление // Законность. 2008. № 10. С. 41.

существом дела, и в случае неполного или неясного следствия, дополнять оное окончательно справками и сведениями, какие могут быть нужны»⁴.

Однако в ней не говорилось о направлении материалов полиции для дополнительного следствия. Более того, можно даже предположить, что вряд ли у судов того времени возникала необходимость возвращать материалы для производства дополнительного следствия, поскольку они имели иные возможности для принятия решения, если даже в материалах полиции усматривалась неполнота и неясность. Во-первых, суду проще было получить признание подсудимого, которое, согласно ст. 316 названных законов Свода, признавалось «лучшим свидетельством всего света» и его было достаточно для постановления обвинительного приговора. Во-вторых, суд мог принять решение, «положившись на Бога». Это не оговорка, поскольку в ст. 347 той же главы было записано буквально следующее: «Но если суд усмотрит, что подсудимый преступления клятвы учинить намерен, а совершенного доказательства не имеет, дабы его в этом обличить, тогда дело предавать воле Божией, пока оно само собою объяснится»⁵. Анализ приведенных и других норм Свода свидетельствует, что решения суд в тот период принимал, основываясь на теории формальных доказательств. Она была отменена лишь с принятием Устава уголовного судопроизводства 1864 г.

«В результате реформы, – отмечает О.А. Шварц, – теория формальной оценки доказательств была отменена и ей на смену пришла другая – теория свободной оценки доказательств. Согласно ей задача суда состоит в поисках “материальной” (объективной) истины. Теперь решения и приговоры судов должны опираться на истинные факты, а не на домыслы. Для этого необходим тщательный разбор дел и всесторонний анализ всех имеющихся доказательств, без какого-либо вмешательства извне». Мерилом достоверности становится только внутреннее убеждение судей. Правила свободной оценки доказательств были призваны содействовать беспристрастности судей: было необходимо устанавливать в деле истину, а не доказывать вину подсудимого во что бы то ни стало. Именно в этом смысле (в противовес формальной истине) принцип отыскания материальной истины закреплялся Уставом»⁶.

Приведенный короткий исторический экскурс позволяет с определенной долей достоверности заключить, что необходимость установления объективной истины и обеспечения беспристрастности судей и обусловили введение Уставом института дополнительного расследования в той основе, в котором он получил развитие в советский период. Согласно ст. 512 Устава, «в случае очевидной неполноты произведенного следствия, не представляющей возможности составить правильное заключение о существе дела, прокурору предоставляется право или потребовать дополнительные сведения, или обратиться к доследованию»⁷. В гл. 2 Устава предусматривался аналог настоящего института судебного доследования. В ст. 534 говорилось следующее: «Признав следствие достаточно полным и произведенным без нарушения существенных форм и обрядов судопроизводства, палата постановляет окончательное определение о предании суду или о прекращении дела, а в противном случае обращает его к доследованию или законному направлению». В соответствии со ст. 536 судебной палате предписывалось в случае, если при рассмотрении следствия она признает, что «лицо, навлекшее на себя подозрение, не было привлечено к делу или что обвиняемый в одном преступлении навлекает на себя подозрение еще и в другом, то поступает по правилам, постановленным в статьях 515 и 516-й». В ст. 515 и 516 Устава предусматривалось, выражаясь современным процессуальным языком, право суда принять одно из двух решений: а) направить уголовное дело для производства дополнительного расследования с целью установить все эпизоды преступной деятельности и всех лиц, причастных к преступлению, инкриминированному обвиняемому; б) придать данному делу дальнейшее «законное направление», одновременно выделив материалы по неисследованным эпизодам и (или) в отношении других лиц в отдельное производство»⁸. Таким образом, в указанном кодифицированном законе сохранились, на наш взгляд, конкретные положения, позволявшие устранять допущенные при рассле-

⁴ Свод законов Российской империи. Повеления Государя Николая первого. Издание 1857 года. Т. 15: Законы о судостроительстве по делам о преступлениях и проступках. Глава первая «О рассмотрении и дополнении следствия. URL: runivers.ru (дата обращения: 05.11.2017).

⁵ Там же. Ст. 347.

⁶ Шварц О.А. Еще раз об объективной истине и активной роли суда в уголовном процессе // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 4. С. 604-605.

⁷ См.: СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Там же.

довании уголовных дел ошибки и нарушения, выразившиеся, в том числе, в неполноте проведенного следствия. Данный институт – не изобретение советского законодателя, которого по разным причинам в последние два десятилетия пытаются представить эдаким монстром, ставившим своей целью как можно больше и любой ценой ограничить права и свободы личности, а результат длительного исторического развития отечественного уголовного судопроизводства.

Право и, более того, необходимость направления судом уголовного дела для производства дополнительного расследования предусматривались в Декрете от 7 марта 1918 г. № 2 «О суде», в Декрете ВЦИК от 30 ноября 1918 г. «О народном суде», а также в УПК РСФСР 1922 и 1923гг, о чем пишут и противники данного института⁹. Так, в силу ч. 1 ст. 222 УПК РСФСР 1923г., «прокурор, получив в порядке статьи 105 Уголовно-процессуального кодекса материал дознания, рассматривает, является ли дело достаточно выясненным, и либо направляет дело для производства дополнительного дознания или для производства предварительного следствия, либо прекращает дело производством при наличии оснований, указанных в ст. 4 и 202 Уголовно-процессуального кодекса, либо постановляет о предании обвиняемого суду»¹⁰. Статья 227 УПК РСФСР предусматривала следующее: «Получив от следователя в порядке ст. 211 Уголовно-процессуального кодекса дело с обвинительным заключением, прокурор, признав следствие неполным, возвращает дело следователю с указанием на те обстоятельства, которые необходимо расследовать, каковое указание является для следователя обязательным». Суду право возвращать уголовные дела для производства дополнительного расследования предоставлялось в силу требований, содержащихся в ст. 233, 237, 238 УПК РСФСР.

В УПК РСФСР 1960 г. институт дополнительного расследования был сохранен. В нем были только конкретизированы основания, по которым суд вправе был принять решение о направлении дела прокурору для производства дополнительного расследования. В ч. 1 ст. 232 предусматривалось, что суд в распорядительном заседании возвращает дело для дополнительного расследования в случаях: 1) неполноты произведенного дознания или предварительного следствия, которая не может быть восполнена в судебном заседании; 2) существенного нарушения уголовно-процессуального закона при производстве дознания или предварительного следствия; 3) наличия оснований для предъявления обвиняемому другого обвинения, связанного с ранее предъявленным, либо для изменения обвинения на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от обвинения, содержащегося в обвинительном заключении; 4) наличия оснований для привлечения к уголовной ответственности по данному делу других лиц при невозможности выделить о них материалы дела; 5) неправильного соединения или разъединения дела. Полномочиями направить уголовное дело для дополнительного расследования были наделены кассационная и надзорная инстанции (ст. 348 ч. 2, ст. 378 п. 2 УПК РСФСР 1960 г.). Кроме того, такое же право предоставлялось судебной инстанции, рассматривавшей уголовное дело по вновь открывшимся обстоятельствам. Согласно ст. 389 УПК РСФСР Президиум суда или Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, рассмотрев дело по вновь открывшимся обстоятельствам, были вправе принять решение «об отмене приговора, определения или постановления суда и передаче дела для производства нового расследования или нового судебного разбирательства».

В УПК РФ 2001 г. места исследуемому институту не нашлось. Причем, по мнению В.М. Корнукова, это считалось «одним из важнейших достижений УПК РФ»¹¹. Однако, «убрав данный институт, УПК сохранил при этом возможность возвращения судом уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения в судебном заседании в рамках и на основе обвинительного заключения, составленного следователем. Для того чтобы не возникало никаких сомнений на этот счет, ст. 237 УПК РФ не предусматривала, а затем в 2003 г. и прямо запретила производство каких-либо следственных и иных уголовно-процессуальных действий по возвращенному делу, ограничив срок устранения следователем допущенных по нему нарушений пятью сутками. При этих условиях вопрос о каком-либо расследовании по уголовному делу, возвращенному судом прокурору в порядке ст. 237 УПК, не возникал и не мог возникнуть, потому что вся деятельность следователя в этом случае сводилась практически к технической работе по приведению в соответствии с требованиями закона об-

⁹ См., напр.: Конин В. В. Институт возвращения уголовных дел для производства дополнительного расследования: прошлое и настоящее // Адвокат. 2012, № 9. С. 21-23.

¹⁰ УПК РСФСР 1923 г.

¹¹ См.: Корнуков В. М. Конфликтность интересов в российском уголовно-процессуальном праве с позиции его исторического развития // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 4. С. 599.

винительного заключения, а дознавателя – обвинительного акта. Такая регламентация взаимоотношений суда с органами предварительного расследования и деятельности последних по возвращенным им уголовным делам существенно усилила и без того довольно выраженную в российском уголовно-процессуальном праве конфликтность интересов сторон в уголовном судопроизводстве и породила, как справедливо замечает автор, массу неразрешимых процессуальных ситуаций на практике. Потерпевшие в массовом порядке стали обращаться в Конституционный Суд РФ с жалобами на несоответствие УПК РФ Основному закону страны в той его части, в которой он не позволял им добиваться справедливого, с их точки зрения, осуждения обвиняемого, совершившего более тяжкое преступление, чем то, которое было вменено ему в вину органами предварительного расследования»¹².

Однако не только в указанной В. М. Корнуковым ситуации возникал процессуальный тупик, из которого суд не находил законного выхода. Их (подобных ситуаций) было намного больше. В связи с этим имеет смысл привести доводы Е. Яненко, который еще в год введения УПК РФ в действие справедливо писал следующее: «1 июля 2002 г. вступил в силу УПК РФ. Создан новый уголовно-процессуальный закон. Внушительен его парадный фасад. Но не стоит воодушевляться видимостью. Надо заглянуть внутрь. А там – огромная “фига” улыбающейся во весь рот преступности. Впрочем, обратимся к фактам. Новый УПК не знает, например, института возвращения уголовного дела для производства дополнительного расследования. Цели ликвидации этого института вроде бы ясны и, казалось бы, благи. Но представим себе ситуацию, когда доказательства виновности лица в совершении более тяжкого преступления, чем то, в котором ему предъявлено обвинение, получены только в ходе судебного процесса. Изменение обвинения на более тяжкое после поступления дела в суд невозможно. Причины столь позднего появления доказательств могут быть самими различными. Может случиться, что стороне обвинения стало известно о существовании свидетеля-очевидца лишь после передачи дела в суд или что свидетель изменил в суде свои показания, объяснив данные в ходе предварительного следствия показания давлением, угрозами, насилием со стороны обвиняемого. Или, может быть, имела место ошибка следователя или прокурора. Количество вариантов не ограничено»¹³. Далее автор на примере конкретной ситуации убедительно показывает, в какое нелепое положение может быть поставлен суд при рассмотрении конкретного уголовного дела, если не применять институт возвращения уголовного дела прокурору для производства дополнительного расследования.

«Рассмотрим такой случай, – рассуждал Е. Яненко, – допустим, в суд поступило дело по обвинению лица в совершении неосторожного убийства (причинении смерти по неосторожности). В ходе судебного следствия суду представляются доказательства умышленного убийства. Как поступит суд? Скорее всего, вынесет приговор по обвинению в убийстве неосторожном. Но и в этом случае есть масса противоречий: неосторожного убийства подсудимый не совершал. Он не может быть признан виновным в совершении не совершенного им деяния. Можно дойти до абсурда и рассуждать о необходимости вынесения в такой ситуации оправдательного приговора. А иного выхода нет. Суд поставлен в нелепое положение. Статьи 303, 304, 307 и 308 УПК регламентируют содержание обвинительного приговора. Его описательно-мотивировочная часть должна содержать описание преступного деяния, признанного судом доказанным. В приведенном примере в судебном заседании доказано совершение умышленного убийства. Обвинение предъявлено в совершении неосторожного убийства. Описать в фабуле приговора умышленное убийство нельзя – суд выйдет за пределы предъявленного обвинения. Но как описывать неосторожное убийство при наличии доказательств умышленного? Это значит описать деяние, которое отнюдь не признано судом доказанным»¹⁴. Данные обстоятельства законодатель и Конституционный Суд РФ должны были взять на заметку немедленно. Действительно, в какое положение были поставлены судьи в аналогичных указанных ситуациях? Ни о какой свободной оценке доказательств, ни о какой беспристрастности, независимости суда, законности и обоснованности приговора в таких случаях говорить не приходится. Однако только в 2013 г. Конституционный Суд РФ, положив в основу своего решения и перечисленные доводы, принял соответствующее решение. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.2013г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда» явилось своего рода переломным моментом в решении затронутых в дан-

¹² Корнуков В. М. Указ. соч. С. 599.

¹³ Яненко Е. Размышления у парадного фасада УПК // Российская юстиция. 2002. № 12. СПС «Гарант».

¹⁴ Яненко Е. Указ. соч.

ной статье проблем. В данном постановлении Конституционный Суд вплотную приблизился к тому, чтобы вернуть институту дополнительного расследования, пусть в небольшой его части, но статус легитимного. Он признал не соответствующей Конституции РФ ч. 1 ст. 237 УПК РФ в той мере, в какой положения данной нормы в системе действующего правового регулирования, в том числе во взаимосвязи с ч. 2 ст. 252 УПК, исключают в судебном разбирательстве возможность изменения обвинения в сторону, ухудшающую положение подсудимого, препятствуют самостоятельному и независимому выбору судом подлежащих применению норм уголовного закона в случаях, когда он приходит к выводу, что фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении, обвинительном акте или обвинительном постановлении, свидетельствуют о наличии в действиях обвиняемого признаков более тяжкого преступления либо когда в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства им установлены фактические обстоятельства, являющиеся основанием для квалификации деяния как более тяжкого преступления¹⁵. Отметим, что к такому решению Конституционный Суд РФ пришел не сразу. Потребовалось одиннадцать лет, чтобы на базе конкретных жизненных ситуаций, затрагивающих, а точнее, свидетельствующих о грубейших нарушениях конституционных прав как обвиняемых, подсудимых, так и потерпевших, все-таки пришел к выводу о необходимости разрешать вопросы, касающиеся конституционности норм УПК РФ, блокирующих возвращение судом уголовных дел прокурору для устранения нарушений закона, препятствующих рассмотрению уголовного дела по существу с принятием законного и обоснованного судебного решения. Рассмотреть комплексно, во взаимосвязи с принципами и требованиями уголовного закона, норм и принципов международного права. Ибо как-то странно выглядели ситуации, когда применение норм уголовно-процессуального закона блокировали нормы Уголовного кодекса РФ или не до конца продуманный принцип состязательности сторон. Поэтому вывод, сделанный в указанном постановлении Конституционного Суда, предстает логически выверенным и убедительным, но, отметим, незавершенным с точки зрения рассматриваемых проблем. В этом смысле остаются до настоящего времени актуальными соображения И. В. Жеребятьева, который, анализируя постановление Конституционного Суда РФ от 08 декабря 2003 г., справедливо отметил его противоречивость. Ибо, с одной стороны, Конституционный Суд признал соответствующим Конституции РФ право суда возвращать уголовные дела прокурору для устранения нарушений закона, препятствующие его рассмотрению в суде, а с другой – признал неконституционным производство следственных и иных процессуальных действий, без которых устранение таких нарушений невозможно в принципе. «Как, – задавался автор вопросом, – можно устранить такие нарушения уголовно-процессуального закона, допущенные на предварительном расследовании, как, например: отсутствие в деле постановления о возбуждении уголовного дела или о принятии его к производству; отсутствие в деле постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого?»¹⁶.

В то же время следует отметить, что в названном постановлении сделан и еще один вывод, на наш взгляд, концептуального характера, призванный напомнить всем исследователям, ради чего принималась Концепция судебной реформы. На данное обстоятельство мы уже обращали внимание, но позволим себе напомнить об этом еще раз. Вывод касается положения суда в государстве, которое должно учитываться при разработке и принятии любой нормы закона, в том числе норм УПК РФ. Суть его в том, что «безусловное следование инициативе стороны обвинения или защиты, заявленному заинтересованным лицом ходатайству, которые всегда преследуют собственный процессуальный интерес, означало бы недопустимое ограничение самостоятельности суда как носителя публичной по своей природе судебной власти, осуществляемой самостоятельно, свободно и независимо от позиции той или другой стороны»¹⁷. Следует привести и два других важных обстоятельства, на которые Конституционный Суд сослался в описательно-мотивировочной части постановления, признавая положения ч. 1 ст. 237 УПК РФ, не соответствующими Конституции РФ в части, в которой они огра-

¹⁵ См.: Постановление Конституционного суда РФ от 02.07.2013 г. по делу «О проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б. Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда» // Российская газета. 2013. 12 июля.

¹⁶ Жеребятьев И.В. Личность потерпевшего в современном уголовном судопроизводстве. Оренбург: РИК ГОУ ОГУ, 2004. С. 144, 145.

¹⁷ См.: Балакшин В.С. Институт направления уголовных дел для производства дополнительного расследования: аргументы «за» и «против» // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 4. С. 610-618.

ничивают полномочия суда. Первое, что «направляя уголовное дело прокурору, суд не осуществляет уголовное преследование... – он лишь указывает на существо ущемляющих права участников уголовного судопроизводства нарушений, которые не могут быть устранены в судебном заседании и препятствуют разрешению уголовного дела, и тем самым не подменяет сторону обвинения». И второе, подкрепляющее первое, о том, что «...инициирование судом процедуры устранения препятствий для правильного рассмотрения уголовного дела не противоречит принципам правосудия и не свидетельствует о том, что суд тем самым осуществляет уголовное преследование обвиняемого или участвует в нем, т. е. берет на себя функцию обвинения»¹⁸.

Однако данная правовая позиция Конституционного Суда РФ относительно природы судебной власти не снимает вопроса о необходимости реанимировать институт возвращения уголовного дела прокурору именно для производства дополнительного расследования.

Анализируя названное постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.2013 г., В.М. Корнуков пришел к выводу, что по сути данным постановлением рассматриваемый институт возрожден заново. Ибо исправление ошибки в квалификации преступления, «а тем более вменение в вину обвиняемому более тяжкого преступления в связи с наступлением после направления дела в суд новых общественно опасных последствий инкриминируемого ему деяния... невозможны без производства следственных и иных процессуальных действий, направленных на расширение и дополнительное исследование доказательственной базы, собранной по уголовному делу, а по существу – без дополнительного расследования». Поэтому, делает он вывод, «именовать такую процессуальную деятельность особым порядком движения уголовного дела можно только с огромным допуском или лукавством, прикрывающим действительность и учитывающим конкретно-предметную направленность указанной деятельности»¹⁹.

Подводя промежуточный итог, отметим, что с выводом В.М. Корнукова трудно не согласиться. Напротив, напрашиваются аргументы, чтобы его поддержать и укрепить. Действительно, для чего, застенчиво улыбаясь противникам данного института, искать надуманные формулы для конкретных решений, уже предусмотренных в уголовно-процессуальном законе? Они названы по-другому, а не как «особый порядок движения уголовного дела». Данного же института или подинститута в УПК РФ нет и, будем надеяться, не будет. Есть институт возвращения судом уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения (ст. 237 УПК РФ). Но даже с учетом последних изменений, внесенных ФЗ № 327-ФЗ от 03.07.2016 г., он не позволяет судам решать вопросы по исправлению ошибок и устранению нарушений уголовного и уголовно-процессуального законов, допущенных на досудебных стадиях уголовного судопроизводства.

Неслучайно некоторые авторы вносят предложения реанимировать институт возвращения судом уголовного дела прокурору для производства дополнительного расследования, но с учетом современных условий, не всегда, кстати говоря, заботясь о всесторонности и объективности анализа этих условий.

Например, А.П. Кругликов считает, что в УПК РФ должна быть статья с закрепленными в ней основаниями возвращения дела для дополнительного расследования. Однако в ней должны быть предусмотрены основания для возвращения уголовного дела не судом, а руководителем следственного органа и прокурором. При этом, что касается его позиции, пишет далее А.П. Кругликов, «то изученные им взгляды многих научных и практических работников, а также изложенное выше привело его к выводу: **только законодательное лишение права суда возвращать дела для дополнительного расследования способно подвигнуть следователей, руководителей следственных подразделений и прокуроров обеспечить надлежащее качество расследования уголовных дел** (выделено мной. – В.Б.)»²⁰.

Не посягая на право указанного автора иметь свое мнение, следует отметить, что для полноты исследования вопроса было бы не лишним принять во внимание точки зрения ученых, практических работников, конкретные случаи из судебной практики, которые дают основания для прямо противо-

¹⁸ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.2013 г. по делу «О проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда» // Российская газета. 2013. 12 июля.

¹⁹ Корнуков В.М. Указ. соч. С. 601.

²⁰ Кругликов А.П. Концепция судебной реформы в Российской Федерации и возвращение судом уголовного дела на дополнительное расследование // Российская юстиция. 2013. № 10. С. 40.

положного вывода. Например, позицию Е. Яненко, который опубликовал приведенную выше статью, будучи действующим судьей. Кстати, на наш взгляд, предложение А.П. Кругликова предусмотреть аналог ст. 232 УПК РСФСР в УПК РФ «Основания возвращения дела для дополнительного расследования руководителем следственного органа или прокурором» при соответствующей корректировке мог бы быть предложен и для судов первой и апелляционной инстанций.

С этих позиций заслуживают внимания предложения, сформулированные А.А. Тришевой. Признав отказ от дополнительного расследования в стадии судебного производства преждевременным для российского уголовного процесса начала XXI в., она предложила следующее: «1) внести изменения и дополнения в ст. 237 УПК РФ с целью урегулирования тех вопросов, которые в настоящее время не имеют законодательного разрешения; 2) использовать опыт Республики Беларусь, уголовно-процессуальное законодательство которой позволяет государственному обвинителю в судебном заседании изменить предъявленное подсудимому обвинение на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам, а в случае необходимости – ходатайствовать о приостановлении производства по делу с целью проведения дополнительных следственных действий для получения новых доказательств без возвращения уголовного дела прокурору; 3) восстановить институт дополнительного расследования в том виде и объеме, в котором он существовал по УПК РСФСР; 4) создать новый механизм исправления процессуальных нарушений, соответствующий типу современного российского уголовного процесса»²¹.

Однако, обобщив изложенное, автор статьи пришел к выводу о том, что на настоящий момент основания возвращения уголовного дела прокурору следует дифференцировать. Предусмотреть, во-первых, основания возвращения уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом и, во-вторых, основания возвращения уголовного дела прокурору для организации производства дополнительного расследования. В связи с этим ст. 237 УПК РФ следует изменить, оставив в ней лишь обстоятельства, перечисленные в пп. 1, 2 и 5 ч. 1, а Уголовно-процессуальный закон дополнить ст. 237-1 следующего содержания:

«Статья 237-1. Возвращение уголовного дела прокурору для организации производства дополнительного расследования.

1. Суд по ходатайству сторон или по собственной инициативе возвращает уголовное дело прокурору для организации производства дополнительного расследования в случаях:

1) неполноты и (или) необъективности произведенного дознания или предварительного следствия, которые не могут быть восполнены и устранены в судебном заседании;

2) существенного нарушения уголовно-процессуального закона, исключающего возможность постановления судом законного и обоснованного приговора или иного судебного решения;

3) после направления уголовного дела в суд наступили новые общественно опасные последствия инкриминируемого обвиняемому деяния, являющиеся основанием для предъявления ему обвинения в совершении более тяжкого преступления;

4) наличия оснований для предъявления обвиняемому другого обвинения, связанного с ранее предъявленным, либо для изменения обвинения на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от обвинения, содержащегося в обвинительном заключении, обвинительном акте, обвинительном постановлении;

5) наличия оснований для уголовного преследования по данному делу других лиц при невозможности выделить о них материалы уголовного дела в отдельное производство;

6) имеются предусмотренные настоящим Кодексом основания для соединения данного уголовного дела с другими уголовными делами, если их раздельное рассмотрение в судебном заседании невозможно.

2. При возвращении уголовного дела прокурору судья решает вопрос о мере пресечения в отношении обвиняемого. При необходимости судья продлевает срок содержания обвиняемого под стражей для производства следственных и иных процессуальных действий с учетом сроков, предусмотренных статьей 109 настоящего Кодекса».

Что касается такого основания, предусмотренного ст. 237 УПК, как возвращение прокурору уголовного дела, поступившего в суд с постановлением о применении принудительной меры меди-

²¹ Тришева А.А. Возвращение судом уголовного дела прокурору: генезис, современное состояние, пути совершенствования: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 2010. С. 25-26.

цинского характера, для составления обвинительного заключения, то установить в суде свидетельствующие об этом обстоятельства практически невозможно. Поэтому предусматривать его в указанной норме нет необходимости. В заключение хотелось бы отметить, что решение вопроса о судьбе института возвращения судом уголовного дела прокурору для производства дополнительного расследования следует исследовать глубоко и всесторонне, оценить все «за» и «против» не только через призму принципа состязательности сторон, обеспечения права на защиту только стороны защиты, но и через принцип неотвратимости наказания, обеспечения самостоятельности и независимости суда, необходимости постановления законных и обоснованных судебных решений.

Поступила в редакцию 08.11.17

V.S. Balakshin

**RETURN OF A CRIMINAL CASE BY THE COURT TO THE PROSECUTOR
TO REMOVE THE OBSTACLES OF ITS CONSIDERATION OR FOR FURTHER INVESTIGATION**

On the analysis of historical data concerning the origin and development of the institution of returning criminal cases to the Prosecutor for further investigation, as well as on the study of scientific works and judicial practice, the author formulates the problems that have arisen in connection with its withdrawal from the CCP. The subject of research is normative legal acts of tsarist Russia, the Charter of criminal proceedings of 1864, the criminal procedure code of the RSFSR of 1922, 1923, 1960, the code of criminal procedure of 2001, the decision and ruling of the constitutional court of the Russian Federation. The aim of this work is to study the reasons for the rise and establishment of the Institute under consideration, its importance to the elimination of errors and violations of criminal procedure law allowed by the bodies of preliminary investigation, and to compensate for incompleteness and eliminate the one-sidedness of the investigation of circumstances of the criminal case and, ultimately, ensure the independence and impartiality of the court. According to the results of the conducted research the conclusion is made about the legislator's premature waiver of the institution of returning the criminal case to the Prosecutor for further investigation; an offer to restore it (Institution) in the criminal procedure law is made; specific changes and additions to the code of criminal procedure are also offered.

Keywords: additional investigation, violation of the criminal procedure law, preliminary investigation bodies, prosecutor, court independence.

Балакшин Виктор Степанович,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного процесса
ФГБОУ ВО «Уральский государственный
юридический университет»
620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21

Balakshin V. S.,
Doctor of Law, Professor, Professor at Department
of Criminal Procedure
Ural State Law University
Komsomolskaya st., 21, Ekaterinburg, Russia, 620137